

- Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектологи. Общее языкознание. - М., 2004.
 Падучева Е.В. Выхаживание и его соотносительность с действительностью. - М., 1985.
 Павлов М.В. Позиционная морфология. - М., 1999.
 Семистрова О.Н. Местомени в языке и речи. - М., 1988.
 Шведова Н.Ю. Местомени и смысл. - М., 1998.
 Шелкин М.А. Функциональная грамматика русского языка. - М., 2001.

Словари

- МАС. Словарь русского языка в четырех томах / Гл. ред. А.П.Евгеньев. - 2-е изд. - М., 1981-1984.
 Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - М.: Русский язык, 2000.
 Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. - М., 1986.

Referential type of derivation in the system of word formation of Russian pro nouns

K.S. Fisinin

The paper gives an account of a special referential type of derivation, which is accompanied by the change in the reference type of the derived word with respect to the original one. This type of derivation is a feature of some pronominal word-formation patterns.

Key words: word formation of Russian pro nouns, types of derivation, reference, referential type of derivation.

Семантика формы среднего рода русских существительных в контексте функциональной грамматики

С.Г. Мамчиков

Статья посвящена проблеме категориальной семантики среднего рода, в ней дается обзор лингвистической традиции и предлагается новый подход к решению данной проблемы: как показывает функционально-семантический анализ, средний род может реализовывать семантику как мужского, так и женского пола.

Ключевые слова: средний род, семантика среднего рода, формальная категория, семантическая категория, функционирование существительных среднего рода в текстах.

1. Подходы и мнения

1.1. Семантика среднего рода – 'семантический ноль'

Традиционно средний род в русском языке считается лишним семантического потенциала (см., например, Греч 1851, Греч 1865, Калыдо-вич 1824-172 и др.).

Так, А.М. Пешковский писал о среднем роде: «Что касается значений родовых категорий вообще, то мы принимаем символическое значение их, т.е. считаем, что они символизируют для нас решительные половые различия, причем категории среднего рода являются, конечно, нулевой категорией» [Пешковский 1938: 112].

Английский лингвист-типолог Г. Корбетт, выделяющий языки с формальной и с семантической родовой системой, в своем фундаментальном труде «Gender», посвященном категории грамматического рода в 200 языках мира [Corbett 1991], также признает средний род в русском языке категорией чисто формальной на том основании, что исхода из значения ср.р. (точно так же, как и м.р. и ж.р.) невозможно однозначно прогнозировать отнесенность слова к ср.р. (так же, как к м.р., ж.р.) (в противоположность многим кавказским языкам, местименной родовой системе английского языка и др. языков с семантической родовой системой, где большинство живых существ мужского пола относятся к м.р., женского пола – к ж.р., большинство неодушевленных существительных – к ср.р.). Следует при этом отметить, что в индоевропейском языке, из которого сформировалась современная русская, родовая система была как раз семантической: одушевленные существительные относились к одному роду-классу (для активных предметов), позднее к двум – м.р. и ж.р., неодушевленные (с предельным, собирательным, отвлеченным и др. значениями) к другому (для инактивных предметов) (см. гипотетические построения в работах: Тронский 1967, Тамкрелидзе, Иванов 1984, Маньков 2004). При этом, согласно Г. Корбетту, хотя русский язык – язык с формальной родовой сис-

темой нем наряду с формальными действуют также семантические распределительные правила, в соответствии с которыми к м.р. относятся существительные мужского пола плюс остаток («male+residue»), к женскому — существительные женского пола + остаток («female+residue»), к среднему — остаток («residue») [Corbett 1991: 35]. Таким образом, какого бы то ни было устойчивого значения среднего рода в русском языке Г. Корбеттом не выделяется, как оно не выделяется им и для других языков (если не считать значения «отсутствие пола» — не мужской, не женский, неживой для языков с семантической родовой системой).

С нашей точки зрения, у среднего рода есть определенная семантика.

1.2. Семантика среднего рода: 'вещь', 'не мужское, не женское'.

Возражая Г. Корбетту, отказывающему среднему роду в семантике (см. выше), отметим, что средний род в большинстве случаев связан с названиями неодушевленных предметов [АГ 80. Т.1: §1136]¹. Еще Г.И. Панова в справочнике "Современный русский язык. Морфология" отмечает, что морфологическое значение словосформ среднего рода заключается в отнесенности денотата к классу неживых объектов (например, *озеро, поле, ремесло, разделение*) [Панова 2003: 83-84]². «В русском языке существительные среднего рода не могут иметь значения пола. Именно на этом основании можно утверждать, что в русском языке, в отличие от немецкого (ср. das Mädchen, das Weib, das Feuillein³), признак пола тесно связан с грамматическим родом» [ин 1992: 86].

¹ Ср. даже у самого Г. Корбетта: «Почти все существительные, обозначающие людей, относятся к (распределению в) м.р. или ж.р., в то время как неодушевленные существительные распределены между тремя родами» [Корбетт 1991: 206]. Ср. также в АГ-80, Т.1, §1137: «Существительные сред. р. преобладают только среди слов, называющих объекты, вычленимые понятием. Таковы слова на -ние (выделение, выполнение, радиолокация) и на -ство (звероводство, кустарничество), а также субстантивированные прилагательные: чадо (Пшк.), Морфологическое значение сред. р. приобретают субстантивированные в контексте местоимения, наречия, междометия, а также слова служебных частей речи и даже морфемы: *сердечное ты; Минутная сладость веселого "месте"; помид, постой (В. Жуковский); Сегодня рушитесь тысячулетнее прежде (Мамк.); Теперь бы песню ветра И нежное баю (Есен.); А что собственно, Лариски? Нелюбимо к субстантивации в речи целого сочетания или даже предложения, например: Нас не трогают равнодушное "Моя хата с краю"; На всю жизнь запомнил жесток, не признать бы в ней женщину поусека (К. Петров-Водкин)».*

² О. Есперсен неоднократно подтверждал связь между родом и полом: «В природе мы различаем пол, мужской и женский; неодушевленные предметы бесполой. В грамматике мы говорим о родах» [Есперсен 1954: 188, цит. по: Аксёнов 1984].

³ 'Девочка', 'женщина, баба, жена', 'фрейлина' — ср.р. в немецком — С.М.

Эта (вторая) точка зрения представлена в лингвистической традиции достаточно широко.

Примером несколько цитат сторонников данной точки зрения.

А. Востоков в «Русской грамматике» писал: «Среднего рода суть имена: а) предметов одушевленных, в конх не показано различие пола, например, *дитя, чадо, существо, чудовище, посмещище*; б) предметов неодушевленных и отвлеченных, кончающихся на -о, -е, *мля*, например, *водило, слово, жилище, имя*» [Востоков 1831: 13].

Ф.И. Буслаев писал о родах существительного: Род имен существительных зависит или от значения их, или от окончаний. Последние составляют предмет этимологии. Различие же родов по значению определяется одним смыслом слов и рассматривается в синтаксисе.

По значению, имена лиц мужского пола принадлежат к существительным рода мужского, а имена лиц жен. — к существительным жен. рода. Одушевлениям природу неодушевленного, язык переносит это половое отличие и на предметы неодушевленные и отвлеченные. Названия таких одушевленных предметов, в которых не означаем половое отличие, именно названия, придаваемые лицам детского возраста, принадлежат к именам рода среднего; напр., *дитя, отроча* [Буслаев 2006: 162].

Г. Павский писал об «именованиях вещей»: «В первоначальном языке все существа неодушевленные разделены на три рода и пола, конечно, не без основания. Поводом к разделению могло быть то, что первые люди смотрели на весь мир, как на семейство. Поскольку в семействе они видели мужчин, женщин и вещи, не принадлежавшие ни к какому полу, то и во всем видимом и невидимом мире представлялись им такой же порядок существ. Притом в распределении существ по родам и полам много помогло им воображение. Где глаз не видел явного различия полов, там воображение, смотря на великий Божий мир сквозь семейство, вносил в число существ мужских то, что сильно, живо, огненно; в число существ женских то, что слабо, нежно, вяло и водно. Если же не было в вещах никаких признаков мужского и женского начала, то имена таких вещей причисляемы были к числу безродных и составляли из них особый разряд существительных имен ни того, ни другого или ср.р. (Павский 1850: 246-247).

И.И. Давыдов в «Грамматике русского языка» 1849 года писал о родовой системе русского языка: «Родов три: мужской, женский и средний. Роды узнаются: а) В именах одушевленных по их значению, мужского рода имена предметов мужского пола; напр., *отец, герой*, женского — имена предметов одушевленных женского пола, например, *мать, няня*; среднее — имена одушевленных предметов, в которых не показано различие пола, например, *дитя, чадо*. б) В именах неодушевленных и отвлеченных

ченных по окончанию: *ъ* (*ь*, *й*) – мужского *дом, день, сарай, а* (*я*) и некоторые на *ь* – женского: *вода, земля, добродетель, о* (*е*) и *мы* – среднего: *злато, море, имя* [Давыдов 1849: 74].

К.С. Аксаков в «Опыте русской прагматики» писал о среднем роде: «На нижней своей ступени природа безродна; на высших ступенях она имеет род мужской и женский. Эти именования, собственно человеческие, распространяются употреблением и на всю остальную природу, имеющую род или пол.

Такое определение и вместе разделение предметов выражается в имени различною формою. Мы имеем, таким образом, на основании этого три разряда имен (*м*, *ж*, *ср*): 1) *имена, означающие предметы, не имеющие рода. Для них принято также название рода, именно рода среднего, т.е. не принадлежащего ни к тому, ни к другому. Название это, объявив его так, мы удержим.* 2) *имена, означающие предметы рода мужского;* 3) *имена, означающие предметы рода женского.*

Таков естественный восходящий порядок, т.е. род средний, мужской и женский: но в грамматиках принимается порядок обратный, т.е. род мужской, женский, средний. Начиная с высшего и доходя до низшего разряда природы» [Аксаков 1860: 41-42].

«Во всяком случае имена среднего рода в языке представляют неодушевленную природу, выражают безличную, низшую степень жизни и составляют целый отдел в слове, имеющий свое значение безличного объекта. Следовательно, сама мысль о безродной области природы в слове соблюдается» (там же: 43).

Я.И. Гин, подробно занимавшийся проблемой функционирования прагматической категории рода в поэтических текстах, анализируя ответы на вопрос: «*Кто здесь? – Он. – Она. – Оно*», писал «*Он и она употребляются действенно, а не анафорически, воспринимаются как символы пола* (ср. их роль в лирике), *оно – как воплощение «не-пола, не-лица»* [Гин 1992: 74].

Исследование Я.И. Гином семантики ср.р. через функционирование ср.р. в текстах занимает исключительное место в ряду работ, посвященных среднему роду в русском языке. Краткое рассмотрение его рассуждений крайне необходимо нам для дальнейшего анализа семантики ср.р. (3-я т.зр)

Средний род в работах Я.И. Ги́на

Как отмечал Я.И. Гин, «...в современном русском языке существительное ср.р. никогда не имеет значения пола», при этом «...при олицетворении формируются новые, окказиональные лексико-прагматические отношения, не ставшие до сих пор ни предметом писательской рефлексии, ни предметом лингвистического исследования» [Гин 1996: 26]. «Высказанному же мнению некоторых языковедов о том, что сексуализация олицетворенных имен ср.р. является приемом, с лингвистической и эстетиче-

скими точками зрения, искусственным, незаконным, противоречит сама поэтическая реальность – в виде большого числа подобных персонафикаций в фольклоре и литературе» [там же]. Видимо, в пользу гипотезы о нулевой семантической⁴ существительных ср.р., с т.зр. самого Я.И. Ги́на, свидетельствуют приводимые Я.И. Гином многочисленные примеры беспорядочной «сексуализации» (термин Ги́на) достаточно хаотично то в м.р., то в ж.р.) этих сущ. при олицетворении в фольклоре и литературе (см. Гин 1991, 1992, 1996а, б, в). Приведем несколько таких примеров.

а) Как писал Я.И. Гин, колебания рода зачастую встречаются в сказках и именах таких персонажей «чуждого» мира, как *Чудовище* (или *Чудище*, *Чудо-Юдо*, *Змей*, *Змея*, *Идолы* и др. [Гин 1996: 10]. *Чудовище* – котлованное и некое представляемое язык отмечает большей частью средним родом» [там же: 11]. Ср. в «Сказке о храбром и смелом кавалере *Нинге-червине* и о прекрасной спутнице его *царь-девице*»: в одном месте говорится о *морского чудовища призыв к себе*» [там же: 13-14]. Интересно еще один пример колебания рода имен сказочных персонажей из сказки «Сужен сын *Парамоха*» (Севернорус. сказки в записях А.И. Никифорова. С. 151). Герой сказки *Парамоха* бьется с тремя чудовищами подрил. У имени первого чудовища чередуются синтаксические признаки м.р. и ср.р.: «*И вот подходит это чудовище к мосту... И вот идет он на мост, это чудовище. И, значит, показало еще до драки*» [там же: 9]. У имени второго – смена синтаксических признаков ср.р. и ж.р.: «*И вот спуска с моста опять сходит это чудовище так же. Сошло с мосту*» [там же: 152]. Колебания рода имени третьего чудовища – как бы соединение колебаний у первого и второго: чередуются синтаксические признаки всех трех родов. Об этом чудовище говорится так: «*И вот приходит на мост и заплетает ногами с огнем. И скажице <...> И тут само опять сказал...*» [там же: 9-10].

У персонажей «чуждого» мира бывают составные имена («*чудо-юдо, рыба-кит*», «*чудовище-змея*»), в этом случае также возможно согласование не по среднему роду: «*Чудо-юда*» *сел на коня и поехал. везет сест на мост, конь под ним спотыкается*» [Гин 1996: 12].

б) Примечательно многоочленное оппозитивное противопоставление: *У мужа три жены: осень, зима, весна. Задака про лето* [Гин 1991: 107].

⁴ Закономерной представляется «борьба» со ср.р. при олицетворении, т.е. тенденция к его преобразованию, предельно, элиминации: субстантив, семантически маскулинизированный или феминизированный, стремится к прагматической маскулинизации или феминизации» [Гин 1992: 87]. Ср. похожее явление в некоторых говорах, где наблюдается ко-лебания в замене среднего рода то мужским, то женским, причем преобладает замена женским. Такими колебаниями характеризуются, например, говоры Капужской области (см. Кузнецов 1959: 91).